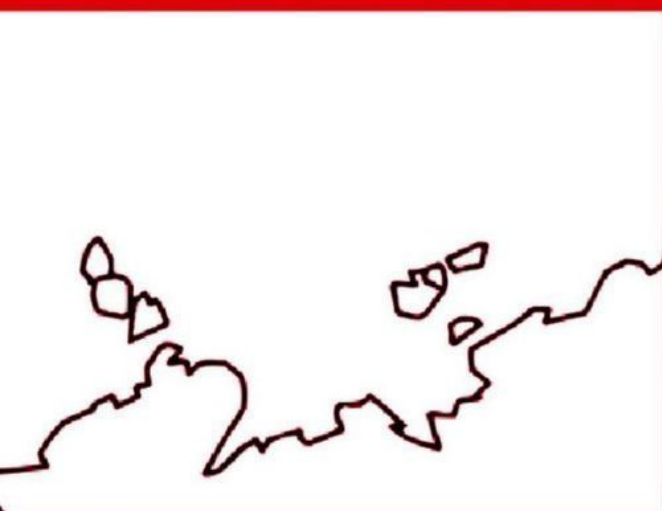
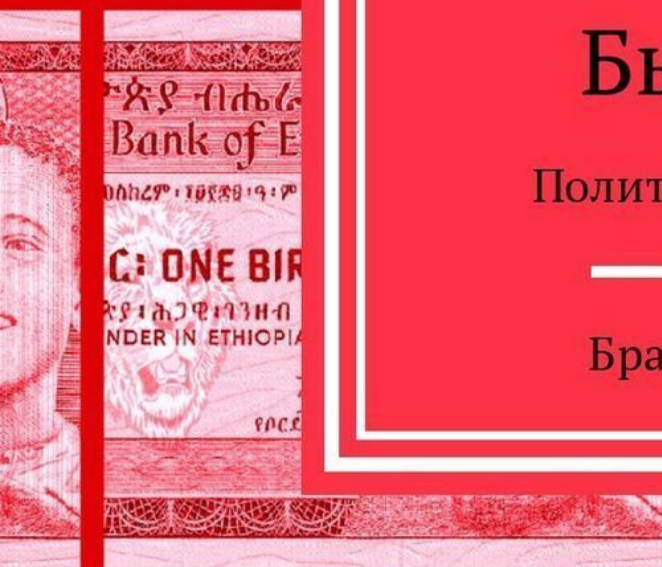

Быр-наш!

Политический памфлет

Братья Швальнеры

Братья Швальнеры

Быр-наш! Политический памфлет

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Быр-наш! Политический памфлет / Братья Швальнеры —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831221-2

Население огромной страны впадает в ни с чем не сравнимую по масштабам массовую истерию. Под влиянием СМИ люди начинают сходить с ума на почве великодержавного шовинизма, и выхода из этого состояния не видать ровно до тех пор, пока это же явление не начинает пожирать людей изнутри. А тогда уж, как водится, поздно... Книга, которую вы держите в руках, — политический памфлет в стиле Мора и Оруэлла, который заставит ваше сердце биться сильнее. Узнавайте в героях себя — и не повторяйте их ошибок!

ISBN 978-5-44-831221-2

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Откуда есть пошел быр...	6
От купели – и до тризны	15
Связь времен	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Быр-наш!

Политический памфлет

Братья Швальнеры

Валентине Зволинской с пожеланиями терпения посвящаем
Авторы

Быр – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у расеянцев непонятно что, нужное непонятно зачем, но необходимое во что бы то ни стало. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал
Н. В. Гоголь, русский писатель

РЭП (Резидуальная энцефалопатия) – это патология головного мозга в следствие гибели клеток центральной нервной системы. Возникает в следствие длительного или острого повреждающего фактора
(Большой медицинский словарь).

Иллюстратор Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2018

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-1221-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откуда есть пошел быр...

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный// К нему не зарастет народная тропа...» Да, да, Пушкин, наше все, как говорил другой нетленный классик.

Но – до этого пока далеко. Пока маленький Саша – круглый упитанный ребенок лет семи-восьми – играет со сверстниками во дворе родовой усадьбы в Михайловском, близ Звенигорода. Погода стоит ясная, теплая, разгар лета. Конец июня всегда здесь знаменит своею рыбалкою – и маленький Саша, и его дед, Осип Абрамович любят половить осетров да лещей в здешней речушке. Лето Саша обычно проводит здесь, в имении деда и бабки. Дед уже весьма преклонных лет, но еще бодрячком – чуть позже выяснится, что этот год станет последним в его жизни. А вот бабка еще и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет, и замечательные кошерные кнедлики еще приготовит.

Пушкин в детстве

Сегодня с утра вся усадьба буквально стоит на ушах – с вечера стало известно о предстоящем прибытии государя императора Александра Павловича, и все – от дворни до хозяев – озабоченно-деятельно принимают участие в подготовке. Чурается работы только Осип Абрамович – ему известна цель визита, а потому он спокоен и даже, в свойственной ему манере, чуть надменен.

– Мойша! Мойша! – надрывает горло бабка, Мария Алексеевна (на самом деле – Ароновна), пытаясь призвать заблудившего неизвестно где дворника. – Мойша, мать твою, муслимку!..

– Маша, – спокойно отзывается на ее крики дед. – Шо ты так кричишь?

– Да шо ты старый пень понимал бы в хозяйстве... Хозяйство вести не... трясоти!

Не удивляйтесь после, откуда у Пушкина страсть к разного рода хулиганствам в поэзии – как говорится, яблоко от яблони недалеко падает.

– Та я тока не понимаю, шо можно поправить криком. Вот папа мой, Абрам Петрович, упокой, господи, его душу...

Бабка, не в силах выслушивать в очередной раз многократно слышанный монолог, машет рукой и ворча что-то себе под нос уходит с крыльца. Осип Абрамович не считает нужным продолжать его – главная цель достигнута, и назойливая супруга своим криком больше не будет мешать его отдыху в гамаке под пение птиц и гомон детворы. Разве что, когда пробьет три часа пополудни и останется полчаса до приезда августейших особ, заставит его пойти и переодеться к ужину.

А приезд и впрямь был значительным. Маленький Саша никогда ранее не видел – и потому хорошо запомнил – казавшуюся бесконечной вереницу карет, украшенных снизу доверху золочеными деталями и каемками, разнаряженных пуще людей во все красное лошадей и совершенно немыслимое количество народу, одетого так красиво и чудно, что ребенку показалось, будто присутствует он на карнавале.

– А и впрямь красиво,... – процедит при виде процессии Осип Абрамович.

Вот показывается императорская свита, из которой Саше более других бросается в глаза юный, но статный великий князь Николай Павлович – он так строг и величествен, что робко и опасливо к нему даже и приблизиться. И оттого особенно притягивает он сторонние взгляды, и оттого особенно красивым кажется со стороны. Как драгоценный камень, помещенный под три замка в царской казне или музее...

Александр I Павлович

Осип Абрамович Ганнибал

После долгих приветствий государь говорил в столовой с дедом (Саша слышал это краем уха, стоя с той стороны двери, ибо страсть к подслушиванию давно была ему свойственна, с раннего детства):

– Дорогой Осип Абрамович. Семья Ваша с давних пор связана с государством российским и с самим домом Романовых. Папенька Ваш, славный Абрам Петрович, как Вы знаете, водил дружбу со славным пращуром нашим – государем Петром Алексеевичем, чье имя на века войдет в историю... А ведь он с кем попало дела не имел. Умел выбирать среди множества лиц именно тех для своего круга, кто пользу и выгоду принести России сможет. И в папеньке Вашем, как история показывает, не ошибся...

– Не преувеличиваете ли Вы, Ваше Величество?

– Отнюдь. Преуменьшаем скорее. И связь времен, поверьте нам, не прерывается, а продолжает свою жизнь. Вот и сегодня обращается к Вам империя с просьбой – вновь сослужить службу государству, как это было заложено веками в традиции семьи Ганнибал. Славные традиции. Добрые традиции.

– Помилуйте, Ваше Величество, чем же я могу? Россия вон какая великая, а я... Да что я...

– Видите ли, уважаемый Осип Абрамович, уж больно беспокойно нынче в мире. Того и гляди война начнется.

– Война? Господь с Вами, Ваше Величество! Да с кем же это?

– С французами.

– С французами?

– Именно. Еще папенька мой, упокой Господь его душу, Павел Петрович дурное зерно заронил в отношения между странами нашими, начав заигрывать с Наполеоном. Помните ли Вы, как Буонапарте в 1800 году сто тысяч наших солдат из плену отпустил?

– Как не помнить...

– Вот и аукнулось нам все это. Тут ведь как. Если с Наполеоном дружбу водить, тогда с Англией ругаться, а этого нам никак нельзя!

– И неужто же до войны дойдет?..

Государь опустил глаза, отвечал не сразу:

– Мы не говорили Вам этого, но война ближе, чем кажется. И в такой обстановке нам просто необходима Ваша помощь. Нам и России.

Саша вслушивался и вслушивался в непонятные ему еще слова, но пока ему удавалось только запомнить их последовательность. О смысле он мог только догадываться. Да и то было непросто, покуда как бабка вскоре отогнала его от двери.

– А-ну, геть отсюда, поц этакий! Ишь наловчился взрослые розмовы слушать... Давай, давай, в детскую...

Проходя мимо комнаты сестер, Саша увидел великого князя, увлеченно беседовавшего со старшей сестрой его, Ольгой. Их молодость и стать влекла юного поэта, ему хотелось поскорее вырасти, чтобы сторонние барышни взирали на него с подобным же вожелением...

Дед, однако, не был так строг, как бабка. И уже утром следующего дня они вновь пошли с Сашей на речку. Там деда ждал его сосед и старый друг, Давид Гершалович Шепаревич.

– Давид Гершалович!

– Осип Абгамович!

Старики расцеловались. Пока Саша ловил в садок какую-то малознакомую речную мелочь, старики выпивали березовый спотыкач в беседке и вели беседу. Краем уха Саша вновь услышал ее содержание.

– Ну и шо просил?

– А Вы как-таки думаете? Денег просил, естественно.

– На что они ему? Никак казна опустела?

– Не думаю, шобы совсем уж опустела, но деньги лишними не бывают, сами понимаете...

– А то. И все же?

– Армию снаряжать будет в поход на француза.

– О как! И много ли просит?

– Сколько ни дай – всему будут рады...

Старики задумались.

– А я вот чего думаю. Есть занятная мысль.

– Шо Вы-таки придумали?

– Вы же ту легенду помните, про Эфиопию?

– Как не помнить?! Когда гонения на нашего брата начались, папенька неделю ночи не спал, все сочинял свое происхождение. Как отче наш заучили, не дай Бог было что позабыть или перепутать!

– Ну так вот и давайте ее продолжать.

– Как это?

– Вы деньги ихние знаете?

– Чьи?

– Ну эфиопские...

– Да почему я знаю? Ежели Вы меня спросите – я и названия-то такого толком написать не смогу.

– Батюшка Ваш тогда в Эфиопию-то съездил и целый сундук привез. Быры они называются...

– Помню что-то эдакое, у Вас в саду закопал... Только ведь они кажется ничего не стоят!

– Так-то оно так, да ведь кто же знает!

– И шо Вы предлагаете?

– А отдадим их царю!

– На что они ему?

– На армию. Все равно никто не знает им цену, а они красивые, золоченые, да много-то их как... Все равно ведь пролежат, никому... А так – Вам честь и почет будут с них!

Подумали.

– А славное вы-таки решение предлагаете, дорогой Давид Гершалович!

– О чем Вы говорите...

Спустя лет шесть, когда война все же началась, а дед уже преставился, Давид Гершалович в присутствии Саши-лицеиста, приехавшего к бабке на каникулы беседовал с его отцом

Сергеем Львовичем, который все сокрушался потерям и поражениям русской армии во вновь начавшейся кампании.

– Ну ведь ничего! Ничего! Ни вооружения, ни обмундирования... И такие потери – только из-за неподготовленности войск к наступлению. Хотя ведь было известно о войне, и задолго! Помню, как тесть еще в 1806 году ссужал императора деньгами на этот случай! Все разворовали, негодяи!

– Супостаты, просто супостаты... – бормотал старый Шепаревич, а в бегающих глазах его видел Саша плутовство и некую боязнь. Пушкину казалось, что он что-то знает и скрывает, но... разговор шестилетней давности уж выветрился из юношеской памяти, уступив место мыслям и мечтам о юных нимфах да виршам.

Утро субботы выдалось на сей раз дождливым. Владимир Ильич Ленин подошел к окну своего номера мюнхенской гостиницы «Берлинген» и долго всматривался в капли дождя, стекавшие по стеклу. Настроение было двоякое – с одной стороны он находился на пороге исторического шага, который был призван сыграть роковую роль не только в его биографии, но и в судьбе всей страны. А с другой стороны – его тяготила неопределенность будущего. События хотелось форсировать, но к тому не было никакой возможности. Ильич тяжело вздохнул.

– Что с тобой? – спросила Надежда Константиновна, подойдя к нему со спины.

– Хуже нет, чем ждать и догонять.

– К чему это ты?

Вместо ответа Владимир Ильич посмотрел в водянистые, огромные, ничего не выражающие глаза супруги. На секунду ему показалось, что его горячо любимая Инночка, Инесса стоит перед ним. Но очень скоро сумрак рассеялся – и Ильич, к великому своему сожалению, снова увидел пустые коровьи глаза перед собой. Он поморщился от неудовольствия.

– Пойду.

– Куда ты? – для проформы спросила супруга.

– Пройдусь.

По обыкновению, приземлившись в пивной «Брюггенау», Ленин увидел здесь старого своего приятеля – молодого человека с горящими глазами и коротенькими усиками над верхней губой. Он недавно вернулся с фронта, где был тяжело отравлен газами, и последние две недели они с Ильичом встречались в этой пивной достаточно регулярно.

– А, это Вы, здравствуйте... – улыбнувшись, традиционно по-немецки начал Ленин. Здесь его знали как господина Мернсдорфа.

– Добрый день, – молодой человек тоже был рад видеть его.

– На чем мы вчера остановились?

– На классовой теории построения государства.

– Ах, да. Так вот классовая теория. Не существует, мой дорогой, никакой классовой теории. Вернее, она существует, но только в умах общества. В целом, согласно учению Дарвина, все мы созданы одинаковыми. Даже если и существовали со времен первобытно-общинного строя некие различия среди нас, то в процессе онтогенеза давно и безвозвратно стерлись! Вот так. И потому эту общественную заразу необходимо из ментальности вырвать. Стереть классы с лица земли всеми возможными способами...

– Так уж и всеми?

– Абсолютно всеми, не гнушаясь ничем и ничего! Если потребуется, если не поймут одурманенные бюргерской идеологией массы – уничтожить. Нещадно уничтожить физически.

– То есть, если я правильно понимаю, уничтожать всех, кто отказывается пополнить некую социальную общность, господствующую в конкретном государстве?

– Совершенно верно понимаете! Такая общность есть везде – согласно учению Маркса, это – пролетариат. Согласно языческих предубеждений, это – арийская раса. И так далее. Не суть важно, какова эта общность по природе и по составу. Но тот, кто отрицает ее существование и по каким-то причинам не хочет или не может пополнить ее ряды, ведя государственную политику к триклятой классовой теории – как раз и есть самый заклятый враг, нуждающийся в немедленном и срочном уничтожении!..

Молодой человек слушал внимательно, едва ли не открыв рот.

– Гениально!

В этот момент речь Ленина прервал вошедший в пивную строго одетый бюргер в костюме и с тросточкой. Он вежливо похлопал Ильича по плечу. Тот обернулся.

– Херр Мернсдорф, здравствуйте!

– А это Вы... Дорогой мой, – обратился Ленин к собеседнику, – я отойду ненадолго, Вы уж тут не скучайте, – и в компании посетителя вышел на улицу.

– Что случилось? Где Вы пропадали столько дней?

– Обсуждал с берлинским руководством детали операции. Проезд через Германию мы Вам организуем в plombированном вагоне, дальнейшие инструкции получите уже в Гельсингфорсе...

– А моя безопасность?

– Не переживайте, кайзер дает Вам все необходимые гарантии и гаранта.

– Кто это будет?

– Платтен, Ваш издатель. Его кандидатура Вас устраивает?

– Вполне. При условии надлежащего оформления документов.

– Это само собой. Проблема возникла с деньгами?

– Что это значит? Мы давно говорили об этом! Вам необходимо выиграть войну, но при том уровне подготовки и вооружения, которое имеет сейчас царская армия, сие невозможно. Практически это будет достижимо в случае смены российского руководства. Керенский это прекрасно, но Миллюков настаивает на войне, и в России в настоящий момент не существует авторитета, более сильного чем он. В таких условиях можно говорить только о силовом варианте смены власти, который, как мне известно, кайзер поддерживает! Поддерживал до недавнего времени, во всяком случае...

– Это само собой, ничего не поменялось. Но понимаете... Мы не можем выдать Вам испрашиваемую Вами сумму в марках.

– Почему? Ее у Вас нет?

– Она есть, но как только Вы начнете рассчитываться с типографиями, с военными заводами, да наконец просто давать взятками марками, в этом моментально заподозрят немецкое командование, и тогда рухнула Ваша революция как карточный домик!

Ленин задумался.

– Тоже верно. А что, если фунтами стерлингов?

– Еще лучше. Тогда Ваши сторонники начнут обвинять Вас в сотрудничестве с Антантой и царской властью, которая, как известно, с ней дружна.

– Ах ты как верно! Ты подумай как верно-то, голубчик! Просто-таки архи-верно... А как же тогда?

– Быр! – воздев палец к небу, изрек немец.

– Что, простите?

– Быр. Эфиопская валюта. Вот и поди там разбери, что к чему.

– А цена, позвольте?

– Пустяк, цветная стекляшка, дешевле рубля во много раз. Что вы от них хотите, дикари... А все же – деньги, валюта! Вот и возьми, как у Вас говорят... за рупь...

– За двадцать! – расхохотался Ильич.

– Так значит решено. Послезавтра в это же время в Вашем гостиничном номере.

– Буду ждать... Да, кстати, херр Шуленбург?

– Да?

– А как Вы меня нашли?

– Немудрено.

– И все же?

– Извините. Как-нибудь в другой раз. Ауфидерзейн.

– Ауфидерзейн!

Вернувшись за стол, он продолжил:

– Замечательный человек...

– Я его хорошо помню. У нас на Восточном фронте он командовал батареей. Сейчас, кажется, в посольстве в России кем-то служит.

– У Вас феноменальная память. Он – военный атташе посольства.

– Что Вас с ним связывает?

– Пока это – мой маленький секрет, раскрою чуть позже... Да, кстати, как Вас зовут? Мое имя Вы знаете, а я Ваше нет.

– Простите, но с Вами настолько интересно беседовать, что я, по всей видимости, просто забыл представиться... Адольф, – протянул руку молодой человек. – Гитлер.

Владимир Ильич Ленин

Пройдет много лет, Ленина уже не будет в живых, и Сталин, не имевший ни малейшего понятия об этом разговоре Ильича с немецким военным посланником, будет лишь в самых общих чертах знать о чудесной роли эфиопской валюты в новейшей русской истории. Как

вдруг, в один из дней, на пороге кабинета отца народов появится председатель ОГПУ Менжинский.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, Вячеслав Рудольфович! Что за спешность? Что-нибудь случилось?

– Случилось, товарищ Сталин. Нами получены неопровержимые сведения о том, что председатель Совнаркома товарищ Рыков дал указание вывезти в Америку и хранить на счете, открытом на его имя, золото, привезенное Ильичом из Мюнхена в 1917 году.

– Помню это золото... Оно же изначально было в какой-то валюте... Не помню, африканской что ли...

– Совершенно верно, в эфиопской, Иосиф Виссарионович. В бырах. Потом переплавили в золото. И было его там ни много – ни мало на десяток миллионов дореволюционных царских рублей.

– А когда он это сделал?

– Две недели назад.

– Почему же сразу не пресекли?

– Он был с дружественным визитом в США, а ОГПУ не вправе проверять председателя СНК СССР.

– Верно... Доказательства есть?

– Так точно, – Менжинский положил на стол Сталина принесенную с собой увесистую папку. Перевернув первые несколько страниц, Сталин протянул:

– Да... И таких людей мы допускаем до руководства страной... Страна в нищете, на колени, кулаки буквально заедают, а он миллионы в США вывозит. Какие будут предложения?

– Я думаю, товарищ Сталин, что память Ильича, железного Феликса, да и наша с Вами партийная совесть не позволят нам поступить иначе, чем вытравить из наших рядов антипартийную контру!

– Из партии исключить?

– И не только из партии. Из жизни вычистить! Чтоб другим неповадно было! Расстрелять к едрене фене... Ой, простите ради бога...

Сталин подумал, затаился трубкой и отвел глаза в сторону окна.

– Правильное решение...

Чуть позже, возвращаясь к этому разговору 1930 года, в своих работах Сталин опишет последствия разговора и обвинит Рыкова в хищении привезенных Лениным быров.

«Вы знаете, – напишет он, – историю с вывозом золота в Америку. Многие из вас думают, может быть, что золото было вывезено в Америку по решению Совнаркома, или ЦК, или с согласия ЦК, или с ведома ЦК. Но это неверно, товарищи. ЦК и Совнарком не имеют к этому делу никакого отношения. У нас имеется решение о том, что золото не может быть вывезено без санкции ЦК. Однако это решение было нарушено. Кто же разрешил его вывоз? Оказывается, золото было вывезено с разрешения одного из замов Рыкова с ведома и согласия Рыкова».¹

¹ Сталин И. Сочинения. – М., 1949. – Т. 12. – С. 101–102.

Иосиф Виссарионович Сталин

От купели – и до тризны

Эфир программы «Время», 05.05

«Метрики – вещь суровая», говорит старое мудрое изречение. Русская пословица по тому же вопросу вторит: «Написано пером – не вырубишь топором». На наш вопрос, долго ли думали над именем для новорожденного сына, ведь исправить будет нельзя, молодой отец ответил: «Ни минуты».

Александр Петров, слесарь: «Тут другого имени, по-моему, и придумать нельзя. Вы посмотрите, что в мире происходит. Мы столько лет жили в России и не знали, не вспомнили о своих корнях. А сейчас – такая радость, воссоединение... Наконец-то побратаемся с родней своей заокеанской... Ну как такому не радоваться? Конечно, как и все, как вся страна радовались. Потому и имя сразу пришло».

Ксения Петрова, его жена: «Я тогда на восьмом месяце была. Ну мы уже знали, что мальчик будет. Разные имена рассматривали – я вообще в честь мужа Сашией хотела назвать...»

Александр Петров, слесарь: «А я ей говорю, какой тут Саша, когда такое событие?! Ну посоветовались, с родителями посоветовались, и решили назвать... Быр».

Надежда ПикULEВА, акушер-гинеколог Копейской городской больницы: «Мы, конечно, сначала сильно удивились, когда такое имя услышали... Ну знаете, как это обычно бывает – спрашиваем у роженицы, как назвала, чтобы на бирочке написать. А она что-то бормочет. Мы все прислушались, не поймем сначала, что она говорит... А это имя оказалось. (Смеется). Но потом подумали и порадовались за молодых родителей – как-никак такое имя, историческое, это ж почти как Пушкин... Почти как я не знаю... как князь Владимир или Дмитрий Донской...»

Позавчера в родильном доме номер 5 Копейской городской клинической больницы на свет появился мальчик с новым и замечательным именем Быр. Быр Александрович Петров. Раньше, можно с полной уверенностью сказать, так в нашей стране никого не называли – маленький копейчанин первым в нашей стране будет носить это высокое и гордое имя, символизирующее воссоединение братских народов России и Эфиопии. Еще каких-нибудь полгода назад никто и подумать не мог, что один народ волею исторических судеб окажется разделенным на два и одна его часть станет осваивать 1/6 часть суши, а другая – гостями ютиться на чужом для нас жарком африканском континенте. А уже сегодня стараниями нашего горячо любимого президента, Василия Васильевича Митина, два народа, две страны, две валюты объединились раз и навсегда. И имя этому братскому союзу – Быр.

Сегодня это имя получил не только союз, но и маленький гражданин провинциального Копейска.

Наталья Ломовая, заведующий отделом ЗАГС администрации Копейска: «Конечно, имя редкое. Хотя к экстраординарным случаям мы привыкли. Тут кого только не было – и Владлены, и Вилены, и Трактора, и Революции, и Баррикады. И это было понятно – веление времени. А вот чтобы так... Быр... Это ж как надо Россиюшку любить, чтобы так сына назвать! Трогательный и замечательный поступок родители совершили по отношению к сыну!»

Корреспондент: «А кем вы работаете?»

Александр: «Я слесарь на автобазе, а Ксюша – воспитательница в детском саду. Городок у нас маленький, провинциальный, все друг друга знают, и потому когда слух прошел, что мы сына Быр назвали, чуть ли не весь город в гости пришел».

Корреспондент: «Не боитесь, что в школе дразнить будут или еще каких-нибудь побочных явлений? Имя-то редкое».

Александр: «Ну во-первых, я им подражаю. Вмиг бошки поотрываю. Во-вторых, это оно пока редкое, вот увидите, пара лет пройдет – и полстраны так детей назовут. А то и большие. А в —третьих, знаете, как у моряков говорят (я ведь на флоте служил)? „Как корабль назовешь, так он и поплывет“. А у нас с нашими эфиопскими братьями, слава богу, все нормально, так что...»

Что ж, мы искренне надеемся, что слова отца маленького Быра станут для его сына пророческими. Будь счастлив, Быр Александрович. Будь счастлив и живи долго и процветающе, как незыблемый союз России и Эфиопии!»

– Ну, тянем, мужики, кому короткая достается, тот за бухлом бежит...

Пятница. Вечер. Автобаза маленького уральского городка. Дальнейшие пояснения излишни. На улице стоит жара под тридцатку, и только сейчас, когда на дворе уже почти девять, немного спала духота и стало возможно дышать. А вот дышать как раз было уже нечем, ибо воздух в гараже насквозь пропитался женой солярой, мазутом, сигаретами и перегаром. И дверь открыть было нельзя – заседание происходило далеко от нее, без глазу запросто мог забраться жулик и потырить нужные в работе слесарей и шоферов детали.

По той же причине нельзя было идти за водкой всем вместе – до прихода сторожа оставалось еще два часа, а ключ от базы был только у него, так что кто-то постоянно должен был находиться внутри или поблизости, а магазин, как на грех, был аж в двух кварталах отсюда.

Жребий определялся старым, «дедовским» способом – путем вытягивания короткой спички. Проводил жеребьевку Вася Афанасьев – он всегда этим занимался с незапамятных времен. И хотя были обоснованные подозрения, что он жульничает (за бутылкой всегда бежал первый тянувший, из чего с высокой долей вероятности следовал вывод, что он ломал не одну, а все спички, которые держал в руке), сменить его кандидатуру пока не решались. Или руки не доходили.

Во всяком случае, как бы то ни было, сегодня короткую вытянул Паша. Первый тянул и вытянул.

– Твою мать, – уж слишком хороша была компания да душевные разговоры, что не хотелось старшему слесарю покидать ее даже на минуту. А потому, прежде, чем смириться с неотвратимой участью, он по традиции грязно выругался и сплюнул на пол.

– Давай, давай, – поторапливали его мужики. – А то в 10 закроют, вообще без ничего останемся.

Минуту спустя Пашина спина мелькнула в двери слесарки. Никто из присутствующих и подумать не мог, чем сегодняшние посиделки обернутся для каждого из них.

Слегка пошатываясь, шел Паша гравийной дорогой в близлежащий магазин. Можно было выйти на проспект и, перейдя его, пойти в универсам, оно было и ближе, но там была велика вероятность встречи с правоохранительными органами, которые явно не одобрили бы той степени опьянения, в которой пребывал Павел Маслов нынче вечером. А потому, преодолевая турбулентность, следовал Паша своей дорогой садами да огородами. Наконец дошел.

– Как обычно, – буркнул он себе под нос, бросая перед продавщицей три измятые сотенные бумажки.

– Триста рублей.

– Ну... – он подтолкнул купюры к неухоженной, хотя и молодой еще, женщине, видимо, подумав, что она их не заметила.

– Ты оглох, что ли? Триста рублей! Деньги давай!

– А это что, не деньги? – поднял Паша на собеседницу недоуменный взгляд.

– Это быры. Мне рубли надо.

– А какая разница?

– Ну тебе, может, и никакой, а мне начальство запретило с сегодняшнего дня быры принимать.

– Как это так? Твой армян чего, против Митина?

– Не знаю ничего... Короче, рубли давай, а то ничего не продам...

Паша стал усиленно шарить по карманам – все безрезультатно. На свет божий вследствие поисков появилось еще несколько купюр, но и они, ввиду принадлежности к эфиопскому номиналу, не меняли положения вещей.

– Да что ты прицепилась ко мне?! Ну видишь, нет у меня рублей, нету! Ну продай ты за быры, как человека прошу!

– Нет, сказано тебе! Иди отсюда, а то милицию вызови!

Паша свирепел.

– Зови! Зови всех сволочей, кто против союза! Я им лично сейчас яйца пооткрываю!

Дальнейшее описание перепалки не вызывает интереса – стандартный обмен ругательствами на протяжении 10 минут ни к чему, как водится, не привел. Паша вышел из магазина, зажевал папиросу и окинул взглядом окрестности. В десяти минутах был еще один магазин, недалеко от бывшей шахты. Туда!

К его удивлению и разочарованию, и там ситуация была не лучше.

– Паша, миленький, так ведь начальник запретил. Ну что ж я сделаю... У меня трое внуков, двое детей нигде не работают... Я-то продам, а меня завтра уволят! Кто ж их кормить-то будет?

– Ладно, баб Мань, не бойсь, мы их скоро всех на чистую воду выведем.

Не солоно хлебавши, но с диким героическим запалом решил Паша прорвать милицее-ское оцепление и добраться до универмага. И миссию даже можно было назвать успешной – мимо машины ППС он проскочил незамеченным – если бы не неприятная новость, ожидавшая его у цели.

– С сегодняшнего дня быры не принимаем, только рубли.

– Да вы что все, сговорились что ли?!

– Телевизор надо смотреть.

– А что там?

– А то! Что с сегодняшнего дня... Короче, ладно, у меня тут не РИА «Новости»! Отойди, людей задерживаешь!..

У Паши было такое чувство, что ему как следует врезали обухом по голове. И от невозможности что-либо изменить он, выйдя на улицу, горько заплакал... Тут-то и заприметили его молодчики из патрульно-постовой службы.

– Ага! Вот так нажрался, аж плачет! А ну стой!

– Да идите вы, – отмахнулся Паша.

– Чего?!

– погоди! Это же Пашка, Пашка Маслов! Паш, стой! Чего ты?!

Но он будто не слышал своего соседа Вовчика. Он был потерян и разбит – чего-чего, а такого жуткого предательства, такого ножа в спину он не ожидал. И явно ему было теперь не до пьянки. В жестоко расстроенных чувствах Паша Маслов отправился домой.

Дома его встретила жена. На ней лица не было – краше в гроб кладут.

– Ты чего? – спросила она, увидев зарезанного мужа.

– Сама не знаешь?

– Знаю... – тихо проговорила она и ушла в другую комнату. Паша разделся и прошел на кухню. Работал телевизор. Шли новости. Выступал Василий Васильевич Митин.

– Для нас, для всего нашего народа эта вынужденная мера, вызванная обострением международной напряженности, будет сродни лишению куска хлеба. Да, дорогие товарищи, только

потому, что кое-кому из НАТО не нравится наше сближение и грядущее объединение с нашим родным эфиопским народом, мы сегодня отказываемся от использования быра в качестве национальной валюты. Горько, товарищи, горько и обидно, что сегодня, на заре 21 века, в мире еще господствуют заблуждения и реакционные замашки, позволяющие проявление братской любви трактовать как международную агрессию. А кто от этого страдает? Мы страдаем...

У Паши челюсть отвисла.

– Это что? Теперь... Все?

– Все, – тихо кивнула головой жена.

– Навсегда?

– Выходит, что так...

– Но...

Тут уж не выдержала и заревела в голос жена:

– Да что ж они, супостаты, делают-то, Паша, миленький?! Да за что же это они на нас так ополчились? За что ненавидят и дышать прямо-таки не дают?!

Паша не мог вынести слез любимой супруги. Он сидел, в ярости играя желваками и думал только об одном – о мести.

«Сволочи... Империалисты проклятые... Никакой тебе духовности, никакого понимания к братской любви, одни имперские амбиции... Ну ничего, доведут они наш народ до справедливого гнева, под такие жернова попадут, что...»

Если бы Паша был знаком с творчеством Бисмарка, то наверняка сейчас вспомнил бы его фразу о том, что «русские долго запрягают, но быстро ездят», но, к сожалению, он не имел о нем ни малейшего представления, хотя и вывел сейчас самостоятельно ту же максиму, что и немецкий канцлер 200 лет назад.

Самая большая в мире глупость – это плакать, чтобы полегчало. Легче, может, и станет, но крайне ненадолго. Поплакали Паша с женой до утра, а утром проснулись. И снова на работу, в жизнь, в народ, в общество. А сил жить-то и нету. Вырвали из груди русского человека сердце его – братскую любовь, – которое много столетий объединяло и подпитывало народ наш. Со времен Дмитрия Донского объединение людей носило характер не просто массового скопления, а приобретало даже оттенок смысла жизни... а вот сейчас – какие-то западные чинодралы взяли и лишили русского человека, простого русского человека, этого смысла.

...Паша шагнул с 9 этажа в половине восьмого утра. Брюс Лонг, американский журналист, выходил в это время из гостиницы, чтобы отправиться на местный молокозавод, и стал совершенно случайным свидетелем происшествия. Однако, вопреки сложившемуся обычаю, опрашивали не его, а он. Он искренне недоумевал, почему простой рабочий покончил с собой, избрав такой картинный способ – как правило, так уходят, когда хотят громко заявить о себе, о своей проблеме, о наболевшем. Когда не могут молчать и потому кричат, кричат о своей боли.

– What's this? What's happened? Why?²

Но, к ужасу его, стоило местным гражданам только слышать его вопросы, как у всех словно отнимался от горя язык. Они сначала молчали оп несколько секунд, а потом плакали и убегали прочь. Более – менее внятно ответил молодой милиционер Вовчик, тот самый Пашин сосед, что сейчас смотрел в камеру и захлебывался от соленых юношеских слез.

– Да как же это, мистер Лонг? Как?! Вот Вы, умный человек, Вы и рассудите... Чего это они, Ваши-то на нас поперли? Ну какая им разница, с эфиопами мы объединяемся или с финнами? Их-то не трогаем!

– Это слишком сложный разговор, Володя. И долгий. И потом – как это связано с самоубийством?

² Что это? Что случилось? Почему? (англ.)

– Да напрямую связано... Ой, господи... Как жить без быра? Это же наше все, наша духовность, наше сознание, любовь и сердце наше! Отберете – и вся страна, глядите, за Пашей следом пойдет! Не можем мы без него! Срослись мы с ним!..

Связь времен

Весна 1820 года в Гурзуфе выдалась особенно жаркой. Как никогда рано расцвели гиацинты, давным-давно отцвели черемуха и сирень, птицы пели вполголоса – как обычно делают в середине лета, – а воздух был сжат и насыщен той духотой, что обычно предшествует грозе. Была середина мая.

Карета остановилась у дома герцога Ришелье.

– А ведь ты подумай, брат Раевский, – выходя из нее, говорил своему спутнику Александр Сергеевич. – Ведь потомок легендарного кардинала Ришелье остался здесь после французской кампании, обустроился, даже на государственную службу поступил...

Пушкин в зрелые годы. Портрет работы Ореста Кипренского

– И ни много-ни мало основал Одессу!.. – воздев палец к небу, вторил ему собеседник.

– Вот что это, как ни связь времен? Причем в таком причудливом своем сочетании, что способно всколыхнуть воображение!

Поэт мечтательно посмотрел в небо. Раевский знал, что после такого он обычно сыплет экспромтами, и ни на какой серьезный разговор настроить его было невозможно, а потому поспешил вернуть его к созерцанию действительности.

– Ты забываешь, что нас ждут.

– Ах, да, прости. Пойдем.

Гости из далеко Петергофа – Полина Андреевна Осипова и ее племянница, доселе неизвестная поэту Анна Петровна Керн – немало порадовали заскучавшего без столичной суеты, вдали от светских вечеринок и балов, пребывающего здесь в малопочетной ссылке поэта, отправленного в тьмутаракань после опостылевших императорскому двору проявлений вольнодумства.

– Полина Андреевна, голубушка! – бросился поэт в объятия пожилой великосветской дамы, нередко скрашивавшей его одиночество в минуты душевной непогоды. – Как вы здесь?

– Да вот, батюшка мой, изволишь ли, тебя повидать приехали. Как ты тут?

– Сказать, что скучно – ничего не сказать. Вот только друзья и спасают. Вот, знакомьтесь, Раевский... Впрочем, вы знаете его.

– А то как же! А пишешь ли что?

– Пишу, да что толку? Цензура все равно ни черта не пропускает!

– А и все же не прекращай! Ни на минуту не останавливайся! Ведь слог твой, голос твой – все это достояние России.

– Ну полноте, хвалить-то! Вот лучше представьте-ка племянницу свою.

– Чего уж представлять, коли и так все знаешь?

– Ну так ведь то слухи – а то живое общение.

– Ну изволь. Анна Петровна Керн.

Миловидная голубоглазая светловолосая девица очевидно смутилась под жарким карим взглядом поэта, отчего на щеках ее выступил легкий румянец. Она, смущаясь, подала Александру Сергеевичу руку для поцелуя, а он только и смог, что припасть к ней и до неприличия долго целовать.

– Ну полноте, Александр Сергеевич...

– Не обессудьте. Нету никакой возможности оторваться, словно к живительному роднику приник.

– Ох уж... Настоящий поэт...

– Однако же, прошу к столу, где и познакомитесь с остальными моими гостями.

Через минуту поэт рекомендовал своих приятелей Полине Андреевне и Анечке. Надо сказать, что приятели эти немало удивили и можно даже сказать смутили столичных гостей своим внешним видом. Вернее, цветом кожи. Все они были черны как смоль. Первой не удержалась от восклицания Полина Андреевна – возраст позволял ей бывать несдержанной в таких ситуациях.

– Однако, батюшка мой! Отчего друзья твои черны как смоль?

Поэт расхохотался:

– А Вы, верно, позабыли, кто был мой дед? Абрам Петрович Ганнибал – помните такого?

– Помню, только ведь он твой прадед!

– Да и дед недалеко ушел. А были они – чистейшие эфиопы. Чернее государевой шляпы. Приехали в России стараниями государя нашего Петра Алексеевича...

– Это нам известно, однако, признаться мы считали, что все это – не более, чем красивая экзотическая легенда. Ведь Осипа Абрамовича, упокой Господь его душу, все мы знавали – ни дать ни взять еврей.

Пушкин рассмеялся пуще прежнего.

– Э-фи-оп, – проговорил он по слогам, глядя в глаза собеседнице. Причем тон его был таков, что не допускал даже намека на спор. – Так вот знакомьтесь. Ктутту. Мой старинный приятель и дальний родственник по линии покойного деда. Прямо из Аддис-Абебы к нам. А вот это – Менгисту. Тоже замечательный парень. Добрый друг и соратник по разного рода кутежам и хулиганствам светским. И наконец – Зиенда. Картежник, каких свет не видывал. Думаю, Полина Андреевна, Вам небезынтересно будет с ним сыграть. Но держитесь, однако же, говорю Вам, зная страсть Вашу к азартным играм – обыграет и отца. Прощу к столу, господа...

После традиционного перекуса перешли к обсуждению светских новостей, из которых новости, связанные с жизнью поэта интересовали Полину Андреевну более всего.

– А скажи нам, Сашенька, как это ты после аудиенции у Милорадовича жив остался? Ведь знаменит наш градоначальник своим крутым нравом в отношении вольнодумцев...

Вспомнив злосчастную встречу, поэт опустил глаза. Словно событиями вчерашнего дня вновь явились перед ним кабинет Милорадовича, его стальные серые глаза и такой же стальной, холодный голос, который зачастую становился для его посетителей последней трубной музыкой, провожавшей их на каторгу, а то – и на казнь.

... – И как прикажете это понимать? – потрясая в воздухе газетами с публикациями пушкинских эпиграмм на Аракчеева и государя императора, вполголоса гремел Милорадович. Да, ему и повышать тембр не требовалось, чтобы вселить в посетителя вселенский ужас и заставить его трепетать.

– Что именно?

– Ваши пасквильные сочиненьица!

– Но ведь я поэт!

– А я – генерал-губернатор. И должен надзирать за государственными служащими, коим Вы пока еще являетесь. Поэт Вы после службы, а во время ее будьте любезны соответствовать тем канонам и правилам, что еще Петр Великий в своей Табели заложил!

– Например? Иметь перед начальством «вид лихой и придурковатый»?

Милорадович молчал, изучая своего собеседника.

– Понимаю, вы настроены шутить. И никак не можете этого своего настроения унять, очевидно, по той простой причине, что не встретили покуда для своего остроумия партнера? Что ж, поверьте мне, я Вам его предоставлю.

– Где ж такой живет?

– В Сибири. Много я туда Вашего брата отправил. Вот и будете там соревноваться в красноречии. А столичного читателя уж пожалуйста увольте от необходимости созерцать Ваши творения...

Михаил Алексеевич Милорадович

... – Саша? Ты с нами?

– Да, голубушка моя. Вот невольно припомнилась та самая встреча, о которой Вы только что изволили толковать.

– Ну так утолишь любопытство-то наше?

– Отчего же. Все решилось просто и по русскому канону.

– А именно?

– Взяткою. Видите ли, дед после смерти своей оставил бабке целый сундук с эфиопскими деньгами.

– Теми самыми, что отдавал он еще царю в канун французской кампании?

– Другими. У него их было много. И вот из этого-то сундука бабка и друг деда покойного, Давид Гершалович Шепаревич – тоже эфиоп потомственный, – и уплатили Милорадовичу дань за то, чтобы меня не в Сибирь, а всего лишь сюда, в злосчастный Крым сослали.

– Чем же тебе здесь не мило?

– А что здесь милого? Я ж не малоросс. А здесь самая тебе Малороссия и есть! Говора русского милого сердцу не слышать!.. Вот только эфиопские друзья и спасают...

Когда речь заходила о них, глаза поэта как бы самопроизвольно светлели, он улыбался, речь его делалась возвышенной и доброй.

– А чего ж они-то совсем по-русски не говорят?

– Совсем. Но все понимают.

По законам жанра, один из чернокожих должен был сейчас прервать свое монолитное молчание. И он это сделал, озарив комнату дома Ришелье, который Пушкин снимал на время своей крымской ссылки, амхарским говором:

– Тххааелиунгда... Пшангдааа... Закунгда... – только и смогли разобрать гости, доселе никогда не слышавшие таких диковинных наречий.

– Что он сказал, Саша?

- Восхищение выражает.
- Чем?
- Не чем, а кем. Анной Петровной и ее красотой.
- О! Право, нам лестно!
- Африканец продолжал:
- Бенгиуууаа... Закуэст... Сукангианнн... Матумба!
- А сейчас?
- Стихами заговорил.
- Да что ты? Переведи нам!
- Не знаю получится ли...
- Но Саша!

– Ну хорошо... «Я помню чудное мгновенье // передо мной явилась ты, // как мимолетное виденье // как гений чистой красоты...»

– Ах... – женщины обомлели. Арап продолжал лопотать, а поэт – переводить.

– «В томленьях грусти безнадежной, // В тревогах шумной суеты // Звучал мне долго голос нежный // И снились милые черты...»

Анна Петровна не сводила с него глаз. И хоть автором строк был вовсе не Пушкин, принявший на себя скромную роль переводчика (а может, и Пушкин, а африканец говорил что-то совсем нам неведомое – правду о том таят анналы истории), все же именно Александр Сергеевич приковал к себе ее внимание, ведь говорились эти милые ее сердцу слова его устами...

Анна Керн

А после, когда Полина Андреевна осталась играть в карты с Раевским и Зиендой, Пушкин пригласил Анну Петровну осмотреть дворец. И конечно же, путь их привел прямоком в его опочивальню.

Велико же было ее удивление, когда она увидела здесь лианы, подвешенный к потолку гамак, тамтамы, деревянных идолков по углам...

– Но что это? – вполголоса спросила она.

– Это – дань предкам, корням, памяти. Я ж коренной эфиоп. И только вся эта стилистика помогает мне поддерживать себя здесь в форме.

– Вы верно шутите?

– Отнюдь.

Пушкин указал рукой на дверь, и из-за нее появился голый Ктутту, в одной набедренной повязке.

– Ах, срамота! – воскликнула Анна Петровна и прикрыла глаза рукой.

– Ничуть. У нас так принято.

С этими словами поэт стал срывать с себя одежды и бросать их на пол. Ктутту заиграл на тамтаме причудливую, но манящую мелодию далеких берегов Эфиопии. Анна Петровна заслушалась.

– Прав же, не срамитесь, раздевайтесь, голубушка, – оставшись почти нагим, призвал поэт.

– А как же? – она кивнула головой в сторону Ктутту.

– Пустяки. Он поймет.

Пушкин не считал совокупление чем-то греховным – ему оно казалось наивысшим проявлением любви и страсти. Вскоре уж и Анна Петровна разделила его мнение. И не смущало ее ни присутствие тети в соседней комнате, ни громкие звуки тамтама, ни Ктутту, с интересом наблюдавший за их соитием...

Стояло затишье. После очередной атаки немецких войск прошло несколько часов и можно было смело надеяться на то, что повторное наступление если и будет иметь место, то не ранее, чем завтра. Это время предстояло использовать для укрепления оборонительных позиций.

Командующий бригадой, генерал казачьих войск Петр Николаевич Краснов³ прибыл в ставку командира дивизии генерала императорской армии Густава Маннергейма⁴ 28 июня 1915 года на уровне обеда. Договаривались о встрече еще утром, но казачий генерал был достаточно упрям и принципиален – ему хотелось, чтобы нерусский по происхождению, швед, генерал Маннергейм, подождал прибытия русского казачьего генерала, который ни по званию, ни по должности не уступал ему. Не понимал Петр Николаевич важности момента – оборона ослабевала, а Юго-Западный фронт был стратегически важен, и от его решительных действий во многом зависел исход кровавой войны, в которую на тот момент была уже втянута вся Европа.

Легендарный военачальник и писатель генерал Петр Краснов действительно встречался в описываемую пору с Маннергеймом

³ Русский военачальник начала XX века, казачий генерал, писатель. В Гражданской войне воевал на стороне Белого движения. После войны – в эмиграции. Во время Второй мировой войны воевал на стороне гитлеровцев на захваченных территориях России. Коллаборационист. Казнен в Москве в 1947 году.

⁴ Финский военачальник, организатор советско-финской войны 1939—1940 годов. В годы Второй мировой войны – сражался на стороне гитлеровцев. Коллаборационист. Позднее – президент Финляндии. В начале XX века воевал в русской императорской армии, принимал участие в Первой мировой войне.

Поскольку назначенная на утро встреча сорвалась по причине опоздания Краснова, приехав в обед, Петр Николаевич в ставке Маннергейма не застал.

– Генерал уехали провожать великого князя Михаила Александровича, – отрапортовал адъютант.

– Как? Он был здесь?

– Так точно-с, господин генерал, и очень жаждал встречи с Вами.

– Проклятье... Скоро ли вернется генерал?

– Должно быть, скоро, ибо убыл уже более часа как.

– Хорошо, я покурю на улице. Когда приедет, позовешь меня.

– Слушаюсь...

Ждать однако же и впрямь пришлось недолго. Краснов был так увлечен своими мыслями о сорвавшейся встрече с великим князем, что и впрямь было для него известием не из приятных, и потому не заметил прибытия генеральской свиты и его самого. Обернулся он только на окрик адъютанта – поручика.

– Господин генерал Краснов! Густав Карлович ждет Вас!

– Густав Карлович... Черт те что... Швед – русский генерал, – пробормотал Краснов себе под нос, выбросил сигарету и вернулся в шатер. Зайдя за ширму, отделявшую адъютанта от приемной Маннергейма, он обмер. Перед ним сидел, облаченный в полное парадное обмундирование императорской армии... чернокожий.⁵

– Господин генерал Краснов? – не поднимая головы от бумаг, разложенных на столе, спросил генерал.

– Так точно-с, – все еще не до конца веря своим глазам, отрапортовал казак.

– Весьма польщен. Меня зовут Густав Карлович. Однако, Ваша непунктуальность расстроила не только меня, но и великого князя.

Краснов молчал, не в силах вымолвить ни слова.

⁵ 28 сентября 2012 года в Хельсинки в рамках кинофестиваля «Любовь и Анархия» (Rakkautta & Anarkiaa) состоялась премьера фильма [«Маршал Финляндии»](#), повествующего о личной жизни и любовных связях Маннергейма. Общественную дискуссию вызвал факт исполнения главной роли кенийским чернокожим актёром [Тэлли Савалосом Отиэно](#).

Именно таким предстал маршал Маннергейм перед генералом Красновым. Таким же увидели его кинозрители в фильме 2012 года «Маршал Финляндии»

– Однако, отчего Вы молчите? Что мне передать Михаилу Александровичу при следующей встрече?

– Передайте ему мои извинения. И сами примите их. Густав Карлович.

– Так-то лучше, – собеседник поднял голову от стола и, приветливо и радушно улыбаясь, пожал руку Петру Николаевичу.

– С чем же великий князь пожаловали в ставку?

– Нам приказано усилить оборону у деревни Зазулинце. Получены разведданные о том, что завтра – послезавтра состоится атака на деревню со стороны Днестра. Необходимо предупредить вылазку.

– Какова численность?

– Атаковать будет одна бригада. Мы ударим по ним тремя, тем самым надолго отбив у немцев желание повторять вылазки.

– Но где взять столько личного состава?

– Одна ваша казачья бригада и две «дикие» бригады из хозяйства Хан-Нахичеванского не позднее сегодняшнего вечера также поступят в Ваше распоряжение.

– Отлично-с. Когда прикажете расквартировываться и где?

– Южный берег Днестра, где ставка Половцева. Делать это можете хоть сейчас, к вечеру бригады Хан-Нахичеванского подтянутся к Вам.

– Слушаюсь. Разрешите идти?

– Идите. И помните, что сейчас на Вас смотрит вся империя.

Прискакав в ставку Половцева, Краснов не скрывал скептического настроения.

– Здорово ночевали!

– Здоров! Как съездил? – Половцев был в простой рубаше и казачьих штанах – на заднем дворе ставки рубил дрова.

– Весьма и весьма, – выкуривая одну сигарету за другой, отвечал Краснов.

– Да что с тобой?

– Ты знаешь, кто этот Маннергейм?

– Кто?

– Негра черный.

– Да ну тебя!

– Вот тебе и ну... Захожу значит в ставку, он там при полном обмундировании, ну весь как есть такой генерал не хуже моего, а с лица – чистый африканец!

– Ну и дела! Ну слушал я про него всякое разное, но чтобы такое...

– Вот и я думаю. Не верю я ему. И приказов выполнять его не стану.

– А ну как трибунал?

– Пушай. Пушай лучше трибунал, чем русской землей по приказу арапа черного торговать!

– Твердо решил?

– Тверже некуда. Сегодня придут бригады Хан-Нахичеванского – пои их, корми, расквартировывай, а ни о каком наступлении пусть и не думают. Сдадим Зазулинце и черт с ней, зато солдатики мои целее будут!

– Ну гляди, Петр Николаич, твоя голова!..

Половцев в своих опасениях относительно судьбы генерала оказался прав – если бы Краснов успел на утреннюю встречу с великим князем Михаилом Александровичем, то повел бы себя иначе. Как и обещал Маннергейм, вечером бригады Хан-Нахичеванского прибыли в расположение ставки, а завтрашним вечером немецкие войска захватили Зазулинце без единого выстрела. Краснов сумел сэкономить личный состав, но своим бездействием подорвал оборону Юго-Западного фронта, чем вызвал лютей гнев великого князя. Неделю спустя Михаил Александрович вызвал его и Маннергейма к себе в ставку, в Ростов.

– Как прикажете это понимать? – гремел князь, озаряя своды колонного зала своим резким баритоном. – Бригады Хан-Нахичеванского преодолели такое расстояние, присоединились к Вашим войскам, а Вы своим бездействием практически лишили нас форпоста на Днестре! Что это как не предательство и саботаж? А?

Маннергейм вел себя не в пример достойнее, чем Краснов, и вызывал своим поведением его раскаяние и угрызения совести. Выслушивая попреки и оскорбления великого князя, он стоял, потупив взор, лишь изредка бросая в ответ дежурное «виноват», и ни разу не сложив на других ответственность за потерю участка фронта.

– Позвольте, Ваше Высокоблагородие! – вмешался наконец Краснов.

– Не позволю! Я разговариваю с Вашим командующим...

– Однако же, Вы обвиняете его в том, в чем нет никакой его вины!

– А именно?

– Я своим собственным приказом запретил подконтрольным мне бригадам наступать южнее Днестра.

В воздухе повисло напряженное молчание.

– Вы?! Вы хоть понимаете, что Вы говорите?

– Так точно-с.

– Извольте тогда объяснить причину подобного Вашего поведения!

– Охотно. Я отказывался тогда и отказываюсь впредь выполнять распоряжения военачальника нерусского происхождения!

Великий князь только всплеснул руками.

– Ну что ж... Да, генерал Маннергейм – эфиоп. И что теперь? Что из этого проистекает? Знаете ли Вы, генерал, автор многих книг по истории государства российского, и наш незыблемый патриот, упрекнуть которого в нелюбви к Отчизне никто не вправе, что значит для нашей страны Эфиопия?

– Виноват...

– Тогда послушайте. Помимо Пушкина – я уж не говорю, Вам он по всей видимости на авторитет – нашу страну с Эфиопией связывает не просто многолетняя дружба, а взаимопомощь и выручка. Именно на эфиопские деньги провел Голенищев-Кутузов-Смоленский кампанию 1812 года! Если бы не они, еще неизвестно, чем бы все закончилось, и кому бы Вы сейчас подчинялись, генерал Краснов! Эфиоп – больше русский, чем псковитянин или пермяк! Эфиоп для России больше значит, чем временами государь император, Господи прости!.. – Михаил Александрович осенил себя крестным знаменем. Краснов, который действительно и не без оснований считал себя знатоком русской истории, стоял ни жив ни мертв. – А Вы тут такой выискались, бравый казак, и нашу историю попить?! Нет уж! И воля Ваша, не так страшно то, что Вы оставили Зазулинце, а страшно то, что наша надежда и опора – казачий генерал – эдак вот рассуждает, не разобравшись в вопросе!.. Хотя уж и не генерал...

– Простите?

– Да. Вы не ослышались. За антигосударственные рассуждения на темы, противные русской истории и каждому русскому человеку, к коим и я, и Густав Карлович имеем честь принадлежать, разжалую Вас в полковники. Честь имею, господа!..

«Российская газета», №9, апрель, стр. 3.

ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ВАСИЛИЯ МИТИНА КОРРЕСПОНДЕНТУ NEW-YORK TIMES БРЮСУ ЛОНГУ (выдержка).

Б.Л.: Василий Васильевич, как бы Вы могли в двух словах охарактеризовать отношения России и Эфиопии?

В.М.: Сложно ответить на Ваш вопрос. И сложно не в риторическом, а скорее в ментальном плане. Представьте себе ситуацию – две части одного народа оказались злой политической волей разделены расстоянием.

Б.Л.: Как в послевоенной Германии?

В.М.: Именно. Вы вспомните, сколько семей оказались тогда разрушенными, просто разделенными Берлинской стеной? Сколько трагедий повлекло ее возведение против воли народа, желавшего мира и единства внутри своей страны на территории свободной Европы? И сколько радости принесло ее разрушение в 1989 году совместными усилиями всей мировой прогрессивной общественности! Так и у нас. По сути один народ – а мы смело можем утверждать о таком явлении в контексте российско-эфиопских отношений – оказался разделен. Одна его часть осталась в Европе, другая изошла в Африку. И вот сейчас мы наконец объединяемся! Как это охарактеризовать в двух словах? Огромная радость всего народа.

Б.Л.: Скажите, в свете описанной Вами общности народов как объяснить разный цвет кожи?

В.М.: Как я уже говорил, наши братья остались в Африке – отсюда и цвет такой. Если бы разделения не произошло, то никакой пигментации, возможно, и не было бы. Однако, история, как Вы знаете, не знает сослагательного наклонения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.